

СЕМАНТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПОНЯТИЯ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА»

***Аннотация.** Статья посвящена рассмотрению теоретико-концептуальных аспектов изучения политической элиты. На основе синтеза аксиологического и структурно-функционального подходов автор формулирует выводы о природе и сущности данной категории. Установлено, что в нее могут входить как лица, обладающие формальной политической властью (чиновники и политики), так и политическим влиянием (крупные бизнесмены, духовные лидеры, лидеры мнений, деятели культуры). Оба типа представителей политической элиты формируют внутренне сплоченное и высокоорганизованное меньшинство, представляющее собой политическую сеть.*

***Ключевые слова:** правящий класс, элита, политическая элита, политическая система, политическое лидерство.*

SEMANTIC PECULIARITY OF THE CONCEPT «POLITICAL ELITE»

***Abstract.** The article is devoted to the consideration of the theoretical and conceptual aspects of the study of the political elite. Based on the synthesis of axiological and structural-functional approaches, the author formulates conclusions about the nature and nature of this category. It has been established that the political elite can include both individuals clothed with formal political power (officials and politicians), and political influence (big businessmen, spiritual leaders, opinion leaders, cultural figures). Both types of representatives of the political elite form an internally cohesive and highly organized minority, which is a political network.*

***Keywords:** ruling class, elite, political elite, political system, political leadership.*

Словосочетание «политическая элита» используется в научном и публицистическом дискурсе настолько часто, что его употребление постепенно приобрело автоматический характер. Семантическое наполнение данного понятия при этом существенно варьируется. Так или иначе, использование соответствующей категории указывает на узкий круг лиц, в чьих руках концентрируются основные властные ресурсы, позволяющие им публично или закулисно принимать наиболее судьбоносные политико-управленческие решения в масштабах страны или даже всего мира. Тем не менее, несмотря

ДМИТРИЕВ Михаил Сергеевич – председатель Томской областной общественной организации Общероссийского профсоюза работников госучреждений и общественного обслуживания Российской Федерации, г. Томск

на кажущуюся смысловую однозначность понятия «политическая элита», до сих пор остаются открытыми весьма принципиальные вопросы теоретико-концептуального характера. Можно ли относить к политической элите социальных акторов, не занимающих определенных иерархических позиций в системе государственной власти (крупных бизнесменов, общественных деятелей, духовных лидеров)? Означает ли принадлежность к категории «элита» автоматическое наличие у субъекта неких дополнительных исключительных качеств помимо обладания властью (особого таланта, интеллектуального потенциала, ораторского мастерства, высокой работоспособности)? Какие каналы рекрутирования элит могут считаться оптимальными? Получение ответов на данные вопросы требует обращения к теоретическим истокам рассматриваемого явления.

Сам термин «элита», происходящий от латинского «*eligere*» (выбирать, отбирать), используется для обозначения принадлежности к категории лучших, избранных (вне зависимости от сферы употребления). С XIX века понятие широко применялось в селекции и семеноводстве для определения наилучших животных и растений. Однако в начале XX века, с выходом в свет работ В. Парето, термин «элита» постепенно вошел в широкий научный оборот и начал употребляться преимущественно для обозначения субъектов, находящихся на вершине социальной иерархии. В исследованиях упомянутого итальянского социолога встречаются, как минимум, два подхода к определению данного понятия. Первый подход (обозначим его как «широкий») распространяется на всю категорию элиты. Согласно В. Парето, к ней относятся наиболее сильные, талантливые и пассионарные люди из разных профессиональных сфер и областей, обладающие самым высоким «индексом» успешности [1]. Заметим, что для обозначения настоящей категории лиц, с точки зрения В. Парето, подошло бы любое другое наименование (иными словами, для указанного автора применение термина «элита» носит технический, а не принципиальный характер). Соответственно, взгляды итальянского социолога в чем-то близки представителям западной школы политического плюрализма (Р. Даля, Д. Рисмена, Д. Сартори и др.), утверждающим, что категория «элита» присуща не только сфере политики. Соглашаясь с данным тезисом, необходимо указать на весьма важное обстоятельство: в обществе существуют множественные виды элит, соответствующие определенным сферам его жизнедеятельности. Таким образом, вслед за В. Парето можно выделить культурную, экономическую, профессиональную, политическую и даже криминальную элиты. Главный признак принадлежности к той или иной категории элит — нахождение субъекта на высшей иерархической ступени в конкретной области.

Второй, более узкий, подход используется В. Парето применительно к так называемой «правлящей элите». С ней он отождествляет лиц, «занимающих

высокое положение соответственно степени своего влияния и политического и социального могущества» [1, с. 62]. Правящая элита, с его точки зрения, занимает наивысшие иерархические позиции в обществе, напрямую участвуя в управлении и обладая незаурядными психофизиологическими качествами (не столь важно, хорошими или дурными), которые и позволяют ей удерживать власть. Исходя из данного теоретического посыла, он выстраивает модель социальной структуры общества, состоящую из нескольких страт:

- 1) низшая страта (неэлита),
- 2) высшая страта (элита), куда входят:

а) правящая элита (лица, находящиеся у власти);

в) неправящая или контрэлита (лица, которые пока еще не имеют возможности участвовать в управлении государством и обществом, но по своим личным качествам потенциально могут стать правящей элитой).

С нашей точки зрения, подход В. Парето не лишен существенных внутренних противоречий. Например, в «Трактате по общей социологии» он характеризует представителей элиты как наиболее квалифицированных в определенном виде деятельности лиц, но затем утверждает, что данные лица могут лишь носить «ярлык» элиты, не обладая при этом какими-то незаурядными качествами. Данное противоречие можно объяснить тем, что итальянский социолог желал видеть на высших государственных постах наиболее достойных людей, что, к сожалению, далеко не всегда соответствовало его ожиданиям.

Еще один основоположник теории элитаризма, Г. Моска, вместо термина «элита» использовал дефиницию «правлящий класс», которая, исходя из контекста, по смыслу практически полностью тождественна рассматриваемому нами термину. К правящему классу он относил «наиболее активных в политическом отношении людей, ориентированных на политическую власть» или «организованное меньшинство, осуществляющее управление неорганизованным большинством» [2, с. 192]. По его мнению, выходцы из правящего класса обладают набором отличительных свойств и качеств: интеллектуальным, духовным и моральным превосходством над массами, искусством управления обществом, а также наивысшей степенью внутренней организованности и сплоченности, которые по совокупности обеспечивают им принадлежность к соответствующей социальной категории. Схожей позиции придерживается и Р. Михельс, с точки зрения которого представители элиты являются замкнутой олигархической группой, концентрирующей в своих руках политическую власть и действующей в отрыве от интересов широких слоев граждан [3].

В классических трудах Г. Моски, В. Парето и Р. Михельса мы находим проблему отсутствия концептуального единства в интерпретации терминов «элита», «политическая элита» и «политический класс». Знакомство с

более актуальной зарубежной и отечественной литературой, посвященной проблеме политической элиты, приводит нас к выводу о существовании чрезвычайно большого количества противоречивых интерпретаций и дефиниций. В их ряду особый интерес представляет подход немецкого социолога Г. Эндрувэйта, рассматривающего элиту в качестве социального актора или группы, члены которой наиболее существенным образом влияют на присущие данной общественно-политической системе характеристики и процессы, занимая доминирующее положение по сравнению с прочими членами общества [4]. По его мнению, элите доиндустриального общества были присущи определенные стратификационно-генетические показатели (в частности, особое социальное происхождение). В свою очередь, в обществах, где осуществляется процесс запаздывающей модернизации, наиболее существенным отличительным признаком элиты является ее соответствие западным представлениям об образовании, ценностях, поведении и так далее.

Отчетливо наблюдается тенденция к постепенной абсолютизации понятия «элита», которое на современном этапе применяется практически ко всем социальным субъектам, обладающим властью и капиталом. Подобная лексическая единица зачастую употребляется в предельно широком смысле, будучи отождествляемой с высшим слоем общества. Однако в политической науке данное слово следует использовать как элемент понятийно-категориального аппарата, под которым понимается именно политическая, а не культурная, экономическая, духовная или какая-либо другая, элита. Существующие элитологические концепции, на наш взгляд, укладываются в два принципиальных подхода: *аксиологический* и *структурно-функциональный*.

В рамках первого подхода с элитой отождествляются те, кто обладают превосходством (материальным, культурным, квалификационным) над прочими людьми, являясь носителями особых личных качеств и талантов вне независимости от обладания политической властью. Соответственно, в рамках аксиологического подхода к элите надлежит относить наиболее достойных, выдающихся, высокодуховных личностей. Ярким апологетом данного подхода может считаться испанский мыслитель Х. Ортега-и-Гассет, который в работе «Восстание масс» изобразил общество как динамическое единство двух социальных акторов: неорганизованной массы и привилегированного меньшинства. При этом под меньшинством им понимаются личности, наделенные некими особыми достоинствами, а масса выступает как совокупность средних, весьма заурядных лиц [5]. Движущую роль в развитии общества Х. Ортега-и-Гассет отводит именно элите — творческому, креативному меньшинству.

В соответствии со структурно-функциональным подходом к дифференциации политической элиты данная категория охватывает лишь тех, кто занимает наивысшие иерархические позиции в органах власти и мо-

жет оказывать влияние на процесс принятия судьбоносных политико-управленческих решений. Приверженцы этого подхода полагают, что элита выполняет ключевые функции в сфере управления государством и обществом (собственно, этим и обусловлен особый статус представителей данной социальной группы). Основопологающим критерием для выделения элиты при использовании структурно-функционального подхода служит формальная принадлежность субъекта к той или иной привилегированной категории (министры, парламентарии, главы корпораций, топ-менеджеры, президенты). Предполагается, что субъект, находящийся на высокой ступени социальной иерархии, обладает достаточной полнотой власти, чтобы быть отождествленным с политической элитой.

Сторонником подобного подхода может считаться Г. Лассуэлл. С его точки зрения, человек по своей природе стремится к достижению власти, знаний, богатства, здоровья, умений, привязанности, уважения и моральных ценностей. Перечисленные блага распределяются специфическими социально-политическими институтами, в числе которых правительство, система образования, рынок, здравоохранение, культура, религия. Лица, в наибольшей степени обладающие указанными благами, по Г. Лассуэллу, и составляют элиту [6].

В качестве особого типа личностей он выделяет правящую элиту, к которой, с его точки зрения, принадлежат люди, занимающие или ранее занимавшие важные посты во властных структурах; лица, не принадлежащие к формальным институтам власти, но имеющие сильное влияние на политическую сферу; наиболее выдающиеся представители оппозиции, а также члены семей власть предержащих. По его мнению, политическое влияние и власть тождественны, поскольку принадлежность к элите определяется двумя ключевыми факторами: реальным или потенциальным влиянием на процесс принятия политико-управленческих решений.

Аналогичный подход отмечается в работе Ч.Р. Миллса «Властвующая элита» [7], который считает, что в США господствуют три типа элит: военная, политическая и экономическая. Представители перечисленных групп обладают чрезвычайно большой политической властью, употребляемой для достижения аморальных целей.

Поскольку корыстные интересы вышеуказанных элитных групп теснейшим образом переплетены, их представители формируют единую властную «корпорацию», противопоставленную массам и обществу в целом. Миллс отмечает, что представители данной «корпорации» имеют идентичное социальное происхождение, схожие личностные черты, общее классовое самосознание. Благодаря тесным неформальным связям они свободно меняют свои позиции, перемещаясь по горизонтали из одних организаций в другие, сохраняя власть и влияние.

Полагаем, что американский социолог своими выводами превзошел появление теории политических сетей, которая на сегодняшний день обладает наивысшим эвристическим потенциалом в контексте изучения элит демократических и авторитарных стран.

Наиболее существенные идеи Ч. Миллса углубил и развил в своих трудах американский исследователь Дж.У. Домхофф, который эмпирическим путем установил, что большинство представителей финансово-экономической элиты США обладают реальной политической властью. Они формируют высшую страту государственных управленцев из числа своих «ставленников» и «клиентов». В конечном итоге Домхофф приходит к выводу о том, что в Америке сложилась мощная корпоративная элита, охватывающая всю страну единой политической сетью [8]. Тем не менее, несмотря на справедливость некоторых наблюдений вышеупомянутого американского исследователя, его работы следует отнести не столько к научному, сколько к публицистическому жанру.

* * *

Безусловно, оба выделенных подхода (аксиологический и структурно-функциональный) имеют как очевидные достоинства, так и явные недостатки. Структурно-функциональный подход помогает выявить политическую элиту в обществе и очертить ее границы, тогда как аксиологический — определяет ее качественные характеристики. Главная проблема, на наш взгляд, заключается в их концептуальной несочетаемости. Представители структурно-функциональной парадигмы полагают, что формальная принадлежность социальных субъектов к политической элите не является признаком наличия у них выдающихся морально-духовных и интеллектуальных качеств. Сторонники аксиологических взглядов, напротив, отождествляют политическую элиту с «лучшими из лучших», «цветом нации», за что их можно упрекнуть в некоторой конъюнктурности. Тем не менее, принимая во внимание оба подхода, мы делаем ряд выводов обобщающего характера:

1. Главным и, вероятно, единственным критерием политической «элитарности» является возможность оказывать непосредственное воздействие на процесс принятия судьбоносных для всего общества властно-административных решений.

2. К политической элите могут принадлежать лица, облеченные как формальной политической властью (чиновники и политики), так и политическим влиянием (крупные бизнесмены, духовные лидеры, лидеры мнений, деятели культуры). Оба типа представителей политической элиты формируют внутренне сплоченное и высокоорганизованное меньшинство, представляющее собой политическую сеть, в рамках которой осуществляется

обмен взаимными услугами и ресурсами. При этом политическая элита так или иначе противопоставлена массе, лишенной реальных рычагов управления государством и обществом.

3. Принадлежность к политической элите не является признаком наличия у субъекта исключительных духовных качеств, высокого интеллектуального или творческого потенциала. Тем не менее, для вхождения в элиту следует отвечать определенному набору требований, присущих тем или иным политическим системам в конкретный период времени.

Явный всплеск научного интереса к элитологической проблематике в России наблюдался в постсоветский период, когда на страницах журналов и монографий развернулись достаточно бурные дискуссии о природе и сущности отечественной элиты, механизмах ее рекрутирования, ценностных ориентациях, количественных и качественных характеристиках. В частности, О.В. Гаман-Голутвина представила политическую элиту новой России как систему внутренне консолидированных групп, распределенных по 4 основным сферам: политической, экономической, интеллектуальной и военной [9]. Концептуальной осью развернувшихся дискуссий стал спор о содержании понятий «элита» и «аристократия». Несмотря на морфологическую схожесть и близкую смысловую нагрузку вышеуказанных понятий, российский исследователь В.П. Мохов находит существенное различие между ними: господство родовой аристократии основывается на ценностях и институтах аграрного общества, тогда как господство элиты зиждется на индустриальных технологиях, которые обеспечивают качественное развитие экономической сферы [10].

Утверждение В.П. Мохова о том, что аристократия характерна только для традиционных обществ, а элита — для индустриальных систем, управление которыми требует большого интеллектуального потенциала, представляется нам концептуально неверным и эмпирически не подтверждаемым. Во многих западных странах, давно перешедших в постиндустриальную стадию развития, сохраняется родовая аристократия, истоки формирования которой уходят в средние века. Наиболее ярким примером здесь может служить Великобритания с ее монархическими традициями. Мы находим, что наиболее принципиальное концептуальное различие между политической элитой и аристократией заключается в механизмах и принципах их формирования. Статус аристократа может быть получен исключительно по наследству, тогда как рекрутирование политической элиты зачастую осуществляется демократическим путем, в том числе посредством выборов. Именно выборы обеспечивают приток в элиту выходцев из наиболее активных социальных слоев, независимо от степени аристократичности их происхождения. Как следствие, в элиту нередко попадают популисты, выражающие иррациональные чаяния широких масс [11,12]. В свою

очередь, практически полными синонимами понятия «политическая элита» могут быть признаны такие формулировки, как «истеблишмент», «политическое руководство», «власть имущие», «власть предержавшие», «олигархат», «господствующий класс», «политический класс», «правлящие круги», «правлящая верхушка».

Категория «политическая элита» настолько широка, что ее можно разделить на субэлитные группы по функциональной нагрузке в органах власти; по принадлежности к различным ветвям власти; по роли и статусу в политических сетях; по масштабу влияния и так далее. В широкий общественно-политический лексикон вошли понятия «мировая элита», «глобальная элита», «федеральная элита», «региональная элита», «местная элита». Первая из приведенных категорий включает круг лиц, способных принимать судьбоносные для всего человечества политико-управленческие решения. К федеральной элите принадлежат лица, занимающие наивысшие государственные посты в федеральных органах власти, а также те, кто непосредственно влияет на реализацию государственной политики (лидеры групп давления). Наиболее точную дефиницию для региональной элиты предлагает Ю.В. Ирхин, понимающий под ней «социальную страту, которая достигает наивысшего политического статуса в пределах конкретного региона, оказывая определяющее воздействие на процессы принятия важных для него политических решений» [13, с. 89]. Понятия «локальная» и «местная» элита, с определенной долей допущения, можно признать тождественными и относящимися к городскому (муниципальному) уровню.

В целом же, опираясь на структурно-функциональный подход и учитывая накопленный теоретический потенциал элитологии, мы предлагаем под политической элитой понимать привилегированную группу лиц, концентрирующих в своих руках максимальный объем формальной и неформальной власти, благодаря чему получают возможность определять судьбу мира, страны, региона или муниципального образования. Отталкиваясь от данного определения, считаем целесообразным указать наиболее существенные признаки политической элиты:

1. *Высокий социальный статус.* Политическая элита занимает наивысшее место в структуре социальной иерархии. Российский исследователь О.В. Крыштановская справедливо указывает на то, что «элита стоит на вершине государственной пирамиды, контролируя основные, стратегические ресурсы власти, принимая решения общегосударственного уровня» [14, с. 73]. Подобный статус политической элиты обуславливает наличие у ее представителей широкого спектра общественных благ и привилегий, которыми не располагает основная масса населения.

2. *Специфический характер деятельности.* Как правило, политическая элита реализует себя в сфере управления государством и обществом. Ее

представители направляют, координируют, контролируют деятельность различных институтов, включая органы власти, партии, группы давления, неформальные объединения. Подобная деятельность осуществляется на постоянной профессиональной основе (если речь идет о политиках и чиновниках), либо принимает форму лоббистских технологий (когда ее реализуют представители заинтересованных групп влияния) [15,16].

Дальнейшее применение функционального подхода позволяет нам определить роль, которую играет элита в политической системе общества. К числу ее главных функций можно отнести:

- *стратегическую*, которая выражается в установлении приоритетных направлений государственной политики, соответствующих интересам различных социально-корпоративных групп и общества в целом;

- *организаторскую*, которая предполагает практическое воплощение выработанного государственного курса;

- *интегративную*, которая направлена на укрепление политической стабильности; обеспечение устойчивого воспроизводства социальной, политической и экономической систем; поддержание порядка; урегулирование конфликтных ситуаций.

Для реализации вышеперечисленных функций представителям политической элиты требуются властные, материальные, организационные, информационные, мобилизационные и иные ресурсы. Благодаря данным ресурсам элита имеет практически монопольную возможность принимать судьбоносные для государства и общества политические решения или оказывать непосредственное влияние на данный процесс. Однако принятие общегосударственных решений не только является привилегией элиты, но и влечет за собой политическую ответственность (особенно в период проведения выборов). *Выборы позволяют преодолеть замкнутость, закрытость элиты, способствуют недопущению ее автономизации от других социальных групп и общества в целом. Наиболее точно характерные черты элиты сформулировал Дж. Мейзел в работе «Миф правящего класса». С его точки зрения, данной группе присущи такие черты, как conscience (специфическое групповое сознание), cohesion (внутренняя сплоченность) и conspiracy (склонность к сговору) [17].*

Действительно, лица, входящие в политическую элиту, отделены от большей части населения. Они принципиально отличаются от него стилем жизни и системой своих ценностных приоритетов, что нередко ведет к возникновению серьезных противоречий между массами и руководством страны. Даже притом, что периодически происходит обновление состава элиты, ее замкнутость носит устойчивый характер. К перечню Дж. Мейзела мы предлагаем добавить еще ряд существенных признаков: относительная количественная и качественная устойчивость, соответствие духу и

вызовам времени, склонность к глобализации (элиты национальных государств легче находят язык друг с другом, чем с гражданами собственных стран, и тесно взаимодействуют в закрытом формате), специфические личностные черты.

Выше уже отмечалось, что номинальная принадлежность к политической элите не является признаком особых талантов, богатого внутреннего мира или фундаментального образования. Тем не менее, продолжительное удержание привилегированного положения в социальной иерархии представляется невозможным без таких качеств, как психологическая устойчивость, умение договариваться с ключевыми политическими акторами посредством формальных и неформальных механизмов согласования интересов, готовность при необходимости противопоставить себя массам, владение политическими (в том числе политико-манипулятивными и лоббистскими) технологиями. Все перечисленные качества, в конечном счете, отражают способность личности к завоеванию и сохранению господства над массами. Следуя традициям макиавеллизма, можно заключить, что на представителей политической элиты не распространяются традиционные представления о морали и нравственности. Ее внутренняя жизнь подчиняется совокупности неформальных норм, правил и взаимных обязательств. В то же время, стремясь к сохранению и максимизации властного потенциала, элита должна быть способна к стратегическому и аналитическому мышлению, построению сложных политических комбинаций.

* * *

Подводя итоги, считаем необходимым очертить круг субъектов, относящихся к политической элите сообразно сферам, к которым они принадлежат.

I. Высокопоставленные политики и чиновники:

1. Представители исполнительной власти: главы государств; члены кабинета министров; руководители регионов и наиболее крупных муниципальных образований; высокопоставленные сотрудники администрации президента, аппарата правительства; члены центральных избирательных комиссий; представители контрольно-надзорных органов; главы государственных корпораций и иные субъекты.

2. Представители судебной власти: судьи судов высших инстанций.

3. Представители законодательной власти: парламентарии (в особенности представители правящих партий и коалиций, лидеры парламентских фракций, председатели парламентских комитетов и комиссий, спикеры и вице-спикеры парламента).

4. В качестве отдельной категории элиты нами выделяются высокопоставленные «силовики» — представители армии, органов государственной безопасности, разведки, правоохранительных структур.

II. Группы влияния:

1. Лидеры мощных общественных организаций и профессиональных союзов.
2. Собственники крупного капитала (ведущие промышленники и предприниматели).
3. Руководители «фабрик мысли», ученые, ведущие политические аналитики, консультанты, профессиональные лоббисты.
4. Лидеры мнений: деятели культуры, популярные журналисты и блогеры.
5. Духовные лидеры, возглавляющие ключевые конфессии.

Таким образом, политическая элита представляет собой специфическую социальную группу, в руках которой сосредотачиваются основные властные ресурсы. Проведенный анализ научных источников по проблемам элитологии, выявил значительное количество подходов к интерпретации соответствующего феномена, в числе которых предпочтение было отдано структурно-функциональному. Установлено, что ключевым критерием принадлежности к политической элите является возможность оказывать непосредственное воздействие на процесс принятия судьбоносных для всего общества властно-административных решений. Принадлежность к политической элите не является признаком наличия у субъекта исключительных духовных качеств, высокого интеллектуального или творческого потенциала. Тем не менее, для вхождения в элиту следует отвечать определенному набору требований, присущих тем или иным политическим системам в конкретный период времени. Установление взаимосвязи между экономической конъюнктурой и структурой политической элиты представляется нам наиболее перспективным направлением для дальнейшего теоретико-прикладного изучения проблемы, поднятой в настоящей статье.

Список литературы

1. Парето В. Компендиум по общей социологии // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т II. Зарубежная политическая мысль XX в. М., 1997. С. 59–67.
2. Моска Г. Правящий класс // Социологические исследования. 1994. № 10. С. 187–198.
3. Михельс Р. Социология политической партии в условиях демократии // Диалог. 1990. № 3. С. 67–81.
4. Эндрувэйт Г. Элиты и развитие: теория и исследование влияния элит на процессы социально-политического развития // Зарубежная политическая наука: история и современность. — М.: ИНИОН АН СССР, 1990. Вып. 1. С. 240–255.
5. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Вопросы философии. 1989. № 3. С. 119–154.
6. Lasswell H.D. Power and Personality. N.Y.: Viking, 1963. 452 p.

7. Миллс Ч. Властвующая элита / Ч. Миллс. — М.: Иностранная литература, 1959. 543 с.
8. Domhoff G.W. Who rules America? Englewood cliffs. N.Y.: Prentice- Hall Inc., 1967. 234 p.
9. Гаман-Голутвина О.В. Определение основных понятий элитологии // Политические исследования. 2000. № 3. С. 97–103.
10. Мохов В.П. Об определении понятия «элита» // Общество и экономика. 2008. № 3/4. С. 130–143.
11. Ежов Д.А. Тенденции трансформации электоральных предпочтений в западных демократиях // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2018. Т. 7. № 1 (22). С. 308–310.
12. Электоральные процессы в России и Европе: новые практики, институты и технологии: монография / коллектив авторов; под общ. ред. М.Е. Родионовой, С.Ю. Белоконева, П.С. Селезнева, Д.А. Ежова. М.: КНОРУС, 2018. 344 с.
13. Ирхин Ю.В. Политические элиты вчера, сегодня, завтра // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 2. С. 75–89.
14. Крыштановская О.М. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005. 374 с.
15. Фельдман П.Я. Международный лоббизм в условиях глобальной дестабилизации // Международные отношения. 2015. № 3. С. 336–340.
16. Фельдман П.Я. Лоббизм в системе социальных и политических институтов современной России // Международные отношения. 2014. № 3. С. 392–397.
17. Meisel J.H. The myth of the ruling class. — Michigan: University of Michigan press, 1958. 346 p.